

18+

Владимир Викторович
Семибратов

Попаданец в юбке

Из инструкторов аэроклуба в лётчики-истребители Великой
Отечественной войны

Владимир Семибратов

**Попаданец в юбке.
Из инструкторов аэроклуба
в лётчики-истребители
Великой Отечественной войны**

«Издательские решения»

Семибратов В. В.

Попаданец в юбке. Из инструкторов аэроклуба в лётчики-истребители Великой Отечественной войны / В. В. Семибратов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930033-1

В результате спонтанного перемещения во времени, наша современница пилот-инструктор аэроклуба попадает в 1941, в Великую Отечественную войну.

ISBN 978-5-44-930033-1

© Семибратов В. В.
© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Попаданец в юбке
Из инструкторов аэроклуба
в лётчики-истребители
Великой Отечественной войны**

Владимир Викторович Семибратов

© Владимир Викторович Семибратов, 2018

ISBN 978-5-4493-0033-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

Кто сказал, что попаданцами могут быть только мужчины, а чем женщины хуже или лучше? Провалиться в прошлое может каждый, ведь слепой стихии в принципе безразлично кто ты мужчина, женщина или ребенок. Явления природы этого не учитывают. Пошла на другой берег озера за Ежевикой и вот тебя уже нет здесь. Ты в другом времени, в июле 1941 года. Ну, как быть в такой ситуации мужчине понятно, раз идет война, значит под ружье, а женщине? Правда, ты не кумушка со скамеечки, а инструктор по летной подготовке аэроклуба. На Сесне, на ЯК-52 летала, а еще на ПО-2 и И-16, на тех самых, что в войну сбили, а теперь по лесам и болотам выискивают, чтобы восстановить и продать.

В общем, было все сравнительно неплохо, налаженная жизнь, любимая работа, планы на будущее и все вдруг разом исчезло. Вокруг совершенно чужой, хотя и немного знакомый мир, в котором идет самая страшная война в истории человечества.

Что делать, как поступить, чтобы выжить и возможно вернуться назад. Решать тебе самой здесь и сейчас.

Глава 1

«Ворона», «Ворона» – на посадку, раздался в ларингофоне голос РП. Маша глянула на часы на приборной панели. Тридцать минут полетного времени истекли, а так хочется полетать еще. Это ведь не ЯК-52 и не Сесна, а настоящий раритет И-16. Истребитель времен Великой Отечественной войны, сбитый в боях под Ленинградом. Ну, правда, от того И-16, который их поисковая группа год назад из болота вытащила, мало что осталось. Процентом девяносто деталей заменить пришлось, но зато теперь снова летает да еще как. Чуть тронет ручку управления, и он сразу идет в вираж, не то, что их предыдущий ПО-2, который теперь в Канаду улетел. Да оно и понятно, И-16 есть И-16, что и говорить – истребитель.

«Ворона», повторяю, на посадку – опять услышала Маша в наушниках голос РП. Ну что же, на посадку, так на посадку, а то еще чего доброго долетаюсь до того, что бензин кончится и с парашютом прыгать придется потому как И-16 это не ПО-2, его как планер с неработающим мотором не посадить. Я. «Ворона», вас поняла, захожу на вторую полосу – ответила Маша РП и заложив крутой вираж, пошла на снижение.

Винт самолета крутнулся последний раз и замер. Маша сдвинула фонарь, довольно потянувшись и отстегнув ремни, вылезла из кабины. Ну как, Мария, попрощалась с «Ишачком»? Спросил подошедший Мигель Альварос, испанский бизнесмен, купивший их И-16. Да, Мигель, попрощалась. Теперь он ваш берегите его. О, это да конечно. Мои дедушка вот на таком же Мессера над Мадридом гонял, а когда Франко победил, пришлось ему в Америку перебраться и летал он уже на Мустанге до самого 1945 года. А у нас в семье в ту войну никто не летал, все по земле ходили. Бабушка санинструктором, а оба дедушки в пехоте. Так что я летаю первая. И вам это очень идет, Мария, улыбнулся Альварос. Я знаю, Маша улыбнулась в ответ и пошла к зданию аэроклуба.

Ну, все, теперь прощай окончательно, мой «Ишачок» думала Маша, наблюдая из открытого окна инструкторской за тем, как И-16 буксируют к ангару. Можно считать, что на сегодня летный день закончен. И вдруг аэродром исчез. Перед глазами возникла кабина СУ-2 и «висящий» на хвосте Мессершмидт. Руки, сжимая спаренный ШКАС, ловят Мессер в прицел. Еще мгновение и огненная трасса вырываясь из стволов пулемета, уходит в его сторону. Нет, не попала, еще очередь. Есть. Трассирующие пули полоснули по фюзеляжу. За хвостом Мессера дым. Сбила, сбила. Вдруг удар сзади снизу. СУ-2 вздрагивает и начинает валиться на крыло. Подбили, подбили. Взгляд назад. Весь фонарь передней кабины в крови. Погиб, погиб после такого не живут. Теперь я веду самолет. Турельную установку на стоп, разворот. Управление действует. Продолжаю бой. Ручку на себя набрать высоту. Впереди Мессер идет в лобовую. Только ни это. Пулеметы отказали. Залп. Мессер бьёт по мотору. Мгновение и из капота вырывается пламя. Все, надо прыгать, иначе погибну. Я над линией фронта, может дотяну до своих. Ветер бьет в лицо, мчится на встречу земля. Но парашют еще раскрывать нельзя, иначе расстреляют в воздухе Мессера. Они это любят, сама видела. Земля совсем близко, теперь пора. Рывок за кольцо. Купол раскрыт. Сгруппироваться перед приземлением. Куда? Я над нейтральной полосой, внизу бой. Немецкие танки атакуют. Резкая боль обжигает грудь на комбинезоне кровь, много крови. Я ранена. В меня попали. Не могу, не могу вздохнуть. Ноги касаются земли. На земле. Живая. Надо, надо ползти к своим. Наши окопы совсем близко. Тело не слушается. Сзади лязг металла. Что это? Танк Тигр, огромный идет прямо на меня. Хочет раздавить. Нет, нет, не надо. Танк – совсем рядом. Я уже почти под ним. Вспышка, страшный грохот. В лобовую броню Тигра бьет снаряд, еще один в башню. Все становится красным, дальше темнота. Я лежу под танком, танк горит, ко мне ползут пехотинцы, но почему я вижу себя со стороны? Что со мной? Меня что...?

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось. Снова перед глазами возникло летное поле и И-16, буксируемый к ангару. Маша помотала головой, это еще к чему, видение из гипнорегрессии. Так почти три года прошло. Ну, интересно ей было кое-что проверить. Некую особенность своей личности, странную особенность. Сколько себя помнила, всегда хотела летать, а вот танков боялась до жути. И причем не любых, а немецких, Т-6 – Тигров. Как увидит Тигр по телевизору, так возникает ощущение, что он сейчас ее раздавит. А когда впервые попала с родителями в Кубинку и увидела Тигр в металле, так чуть от страха в обморок не упала. А тут подружка, которая в меде училась, возьми и посоветуй ей гипнорегрессию сделать, чтобы вспомнить, что до рождения в прошлой жизни у нее было. Сказала, что возможно она в прошлой жизни летчицей была на Великой Отечественной войне, и ее танк Тигр раздавил. Вот на регрессии это картинка и вылезла. Ощущение конечно, не из приятных, но того стоило. Во-первых, страх перед танками пропал. Как рукой сняло. Во-вторых, из Центрального архива Министерства обороны, что в городе Подольске, ответ на ее запрос пришел, который все регрессные воспоминания тютелька в тютельку подтвердил. Все сошлось. Фамилию, Имя, Отчество, дата и место рождения, звание, воинская часть, время и место гибели. Ну, а потом решила она «свою» могилу найти и нашла. Перезахоронили «ее» с воинскими почестями. Но вот смертный медальон себе оставила на память. Ребята из поискового отряда разрешили, когда она им про все рассказала. Бумагу из медальона в пластик закатала и дома в укромном месте спрятала, а футляр, вот он, на шее висит, как талисман, на счастье. В каждый полет она его с собой берет, чтобы он крайним, а не последним был. Маша нежно погладила кожаный мешочек с футляром от смертного медальона. Странно, три года было все в порядке и вот на тебе, среди бела дня это видение, к чему оно с какой стати, непонятно. За спиной раздались шаги. Маша обернулась. В инструкторскую вошел РП. Ну что ты здесь сидишь, Маша, домой пора. Давай я тебя довезу. Или ты расстроилась, что твой И-16 в Испанию улетаёт. Нет, Виктор Петрович, не расстроилась. Мы ведь скоро еще один самолет искать едем, под Смоленск. Ну почему Виктор Петрович РП соорудил недовольную рожицу. Я ведь тебя всего на десять лет старше. На десять лет. Маша закатила глазки. Десять лет это не так уж много, я подумаю. А теперь поехали домой.

Глава 2

Двигатель нутжно заурчал, трактор дал задний ход и стал медленно отъезжать от берега небольшого, сильно заболоченного лесного озера. Из воды показался обломок хвостовой части фюзеляжа. Медленно и постепенно вода отдавала назад то, что покоилось в ее объятиях почти семь десятков лет. Еще немного и то, что осталось от сбитого в далеком 1942 году ПО-2 оказалось на берегу. Но осталось от него намного больше, чем ожидали. В задней кабине оказалось тело погибшего летчика, вернее штурмана, летчики в задней кабине не летали. Мумифицированное от действия болотной воды тело, одетое в останки летного комбинезона было намертво пристегнуто к полусгнившему креслу ремнями, голова отсутствовала. Из пулемета в голову – догадалась Маша. Погиб мгновенно, вот почему и не прыгнул с парашютом. В летчика нет – значит, живой остался.

Над озером повисла тишина. Собравшись в круг, поисковики молча стояли возле останков самолета. Так все действуем, как всегда в таких случаях раздался голос начальника поисковой группы. Да как всегда в таких случаях думала Маша, надевая перчатки. Только лучше бы их было поменьше.

Так-так, осторожно, крышка смертного медальона сдвинулась и стала медленно отворачиваться. Ага, значит, вода во внутрь, скорее всего не попала – решила Маша, наблюдая за тем, как Виктор Петрович – Витя вскрывает медальон погибшего штурмана. Наконец крышка отделилась от футляра, внутри белела бумага:

Кравченко
Юрий Борисович
1917 года рождения
г. Чкалов ул. Ленина
дом 303.

Прочитала Маша надпись на листке, вынутом из медальона. Еще одним безымянным солдатом стало меньше. Завтра мы тебя похороним, как положено.

Но тут всех удивил Виктор. Не говоря ни слова, он достал из кармана куртки лист бумаги и положил рядом. Кравченко Юрий Борисович 1917 года рождения г. Чкалов ул. Ленина дом 303, было написано на нем но уже синей шариковой ручкой. Дальше больше, на стол лег ответ из Центрального архива Министерства обороны в Подольске. Все присутствующие молча уставились на улыбающегося Виктора, который подобно опытному актеру специально затягивал паузу, улыбаясь все шире и шире. Ты что, как и я себя нашел – спросила Маша, первой поняв, в чем дело. Да, Машенька, нашел. Я, как и ты, себе гипнорегрессию сделал, ответил Виктор и выложил на стол очередной листок бумаги с печатным текстом. Здесь описание того, что я

вспомнил, кому интересно, может прочитать. Но только просьба ко всем присутствующим – все, что вы слышали не должно выйти за стены этой палатки. Сами ведь знаете, подобные явления наука не совсем признает. А мне еще летать охота. Да вот и еще одним «фронтовиком» среди нас прибавилось, подумала Маша, глядя на Виктора. Интересное это дело, конечно, но, с другой стороны, вдруг среди нас окажется тот, кто в то время немцем-эсесевцем был. Людей в крематориях жег и что тогда. Ведь мы же сейчас все здесь нормальные люди не убийцы. И он тоже. Вот только прошлого этим не зачеркнуть. И каково ему будет с таким грузом жить. Может быть и правильно это, что мы прошлого своего не помним. Многие знания – много печали, так ведь кажется, говорили древние.

Глава 3

Ква-ква-ква – квакали на озере лягушки. Стало быть, погода будет хорошей, думала Маша, стоя на берегу. Но для нас это уже неважно, все дела закончены, завтра вечером уезжаем. Будет ПО-2 восстанавливать. Теперь, кажется для австралийцев или новозеландцев. Хотя не совсем правильно всё это, лучше бы он дома остался, он ведь наше, а не австралийское небо защищал и нашли Мы его под Смоленском, а не в джунглях Новой Гвинеи. Но это потом, а сейчас пока есть еще немного времени надо наслаждаться последним днем отдыха. За Ежевикой, что ли на другой берег сходить. Здесь-то ее уже не осталось, а вот на том берегу должно быть много. Нас там не было, а местные из деревни – туда ходить боятся. Вроде как места там нехорошие – суеверие. Правда по лесу в платье ходить не очень удобно, но возвращаться назад в лагерь и переодеваться в камуфляж как-то неохота, да и к тому же он после вчерашней стирки, скорее всего еще не высох. Ладно, пойду, в чем есть – решила Маша, и направилась к противоположному берегу озера.

Идти пришлось долго, минут тридцать-сорок, а может быть и больше, но не зря. В небольшом овражке Ежевики было полно, вот только собирать-то ее было не во что, ни банки, ни ведерка. Ничего, решила Маша, будем считать, что это была разведка. До вечера еще далеко схожу в лагерь, позову пару-тройку ребят, и насобираем на дорогу ягод.

Но, вернувшись к южной оконечности озера, она поняла, что заблудилась. Нет, место было то же самое. Полукруглая бухточка, на берег которой они несколько дней назад вытащили трактором обломки ПО-2. Вот только колеи от трактора не было, и деревья стояли какие-то другие, ниже. Но большой, поросший мхом валун на месте. Странно куда это я попала. Маша растерянно огляделась по сторонам. Все вроде бы так и не так. Ладно, сейчас по навигатору выясню. Нет ответа сети – высветилась надпись на экране Айфона, Джи Пи Эс-навигатор тоже не работал. И что самое странное, даже МЧС 112 отсутствовал. Ни проблема без навигатора обойдется. Солнце в небе всегда укажет путь. Маша подняла голову. Солнце оказалось не на месте. Вернее не там, где ему полагалось быть во второй половине дня. То есть в западной части неба. Вместо этого оно было в восточной, и его положение говорило о том, что сейчас не около четырех часов вечера, а часов двенадцать дня, или в этих пределах. Но такого в принципе не могло быть, хотя бы потому, что из лагеря к озеру, а это Маша помнила точно – она ушла после обеда. Иными словами после двух. Туда-сюда – час-полтора. Да и часы на телефоне показывали 15 часов 27 минут, что полностью согласовывалось с внутренним ощущением потраченного времени. Что же это получается. Маша еще раз внимательно огляделась по сторонам. Место на берегу озера явно то, но вот только деревья не те и колеи от трактора нет. Не могла же она за полтора часа зарости. Конечно, не могла, а значит место все-таки не то. Путь так. Но что тогда со связью произошло? Где Джи Пи Эс, где 112, и, наконец, почему Солнце не на месте. По спине у Маши пробежал неприятный холодок, а вслед за этим возникло ощущение, что случилось что-то очень-очень не хорошее, непоправимое. Так все, что бы там не произошло надо идти к Минскому шоссе, решила она. До него максимум пять километров на север по прямой. Мимо не пройду. А там, там по обстановке, в крайнем случае, доберусь автостопом до ближайшего населенного пункта. Все вперед. Маша, развернулась спиной к Солнцу и углубилась в лес, не заметив, как у нее из кармана выпал мобильник.

Идти пришлось недолго, через какие-нибудь пятнадцать-двадцать минут она вышла на грунтовую дорогу и увидела странное зрелище. По дороге группами шли люди в основном женщины с детьми все с сумками и узлами. Вид у них был такой, как будто они в пути уже несколько дней. Понаблюдав за идущими с минуту и так и не поняв, что тут происходит, Маша вышла из леса и присоединилась к ним с намерением расспросить, кто они и что вообще тут случилось. Люди шли молча, и на ее появление никто не обратил внимание. А что там радио

сообщает, взяли немцы Минск? Какие немцы? Маша обернулась в сторону говоривших. Еще на прошлой неделе я сам слышал, вмешался в разговор мальчик лет двенадцати помогавший матери катить небольшую ручную тележку. Здесь, что кино, что ли про Великую Отечественную войну снимают, а я в массовку влезла – подумала Маша, отходя к обочине. Но где тогда киногруппа? Почему камер нигде не видно. Издалека послышался шум авиационных моторов.

«Немцы! Самолеты немецкие!» – закричали люди и бросились прочь от дороги, бросая вещи. Из-за леса появились два немецких? Немецких, самолета! Мессершмидты BF-109. Раздался треск пулеметов, и по дороге, рядом с Машей, пробежала цепочка фонтанчиков от пуль. Послышались крики и стоны раненых. Самолеты развернулись и пошли на второй круг. Это не кино, не кино, скорее почувствовала, чем поняла Маша и бросилась в придорожные кусты. Как раз вовремя. На том месте, где она стояла секунду назад, прошла пулеметная очередь.

– Ты как дочка, не ранена, – обратился к ней старик с длинной седой бородой. – Если нет, то вставай, улетели ироды.

– Нет, нет, дедушка, – дрожащим голосом ответила Маша и задала вопрос, на который, как ей казалось, она уже знала ответ. – А что тут происходит?

– Как что – война, дочка, – скорее настороженно, чем удивленно ответил старик. – Десять дней, как немец напал и все прёт и прёт. Да ты что контуженная, что ли или речь Молотова не слышала.

– Не слышала, – заикаясь ответила Маша. – Я с ребятами в лесу была.

– Ну, тогда понятно, – уже более спокойным тоном сказал старик, – а то я, грешным делом, подумал, что ты того. И он не закончив фразы, направился к дороге.

Маша пошла за ним и чуть не споткнулась о тело убитой девушки. Та лежала на спине и смотрела широко открытыми глазами в голубое небо. Ее живот разворотила пулеметная очередь. Мертвая, сразу поняла Маша, с такими ранами не живут, а это у нее что? Из нагрудного кармана погибшей торчала маленькая красная книжечка. Маша достала ее и развернула. Это оказался комсомольский билет на имя Ворониной Марии Сергеевны 1917 года рождения. Все стало ясно. Она Воронина Мария Николаевна 1982 года рождения, каким-то образом попала из 2007 в 1941 год и назад уже никогда не вернется. Никогда уже не увидит ни маму, ни папу, ни младшего братика, «ботаника» и компьютерного гения в больших толстых очках. Она в прошлом в том прошлом, где её когда-то убили на той, теперешней войне. Перед глазами все поплыло, и Маша провалилась в черную пустоту небытия.

– Дочка, дочка, очнись! – Кто-то тряс ее за плечи.

Маша открыла глаза. Перед ней на коленях стоял тот самый старик с седой бородой и пытался привести ее в чувство.

– Ну что ты, что ты, убитую увидела и испугалась. Так-то с первого раза, с непривычки бывает. Я вот тоже, когда в 14-м годе своего первого немца на штык взял, так он мне почитай месяц по ночам снился, а потом ничего, привык. И ты привыкнешь, только совсем привыкать не надо, плохо это. Вот, на, возьми. – Старик подал Маше открытую флягу. Маша глотнула и закашлялась. Квас не квас, вино не вино. Что-то непонятное с запахом трав. Но от нескольких глотков стало легче, голова прояснилась. Маша встала на ноги.

– Ну что, дочка, легче тебе стало, вижу легче. – Старик улыбнулся. – Настой тот силы придает. Травник я. А теперь пойдем. Да ты документ свой обронила, без документов сейчас нельзя. – Старик протянул Маше комсомольский билет убитой девушки. Она машинально положила его в карман платья и пошли вслед за стариком догонять беженцев.

Идти пришлось долго, но в этом был и плюс. Много времени на раздумье, что делать в сложившейся ситуации и как поступить. Очевидно, как потом уже много позже поняла Маша, во фляге у травника был какой-то настой, обладающий стимулирующим и одновременно успокаивающим действием. И это позволило ей без вполне понятных эмоций трезво оценить сложившуюся ситуацию, которая была следующей. Из июля 2007 года она попала в июль 1941 года

место то же район Смоленска. Как это случилось? Ответ очевиден. На том берегу озера была дыра во времени. Не зря туда местные ходить боялись, а она пошла, и вот результат. Что теперь делать? Придется остаться здесь. Во всяком случае пока, вернуться назад к озеру и попытаться уйти в свое время возможно или нет? Это пока неизвестно. Но сейчас уж точно невыполнимо. Скоро здесь будут немцы. Значит надо ждать как минимум два с лишним года. Да немало, но придется. Другого выхода нет. Тогда, что делать сейчас? Она в колонне беженцев с ними уйдет в тыл. Документы по счастливой случайности заполучила. Почти на саму себя. Только отчество другое. А в остальном – полное совпадение. Повезло. Правда, не паспорт – комсомольский билет. Но для начала и этого хватит. Та погибшая из Минска, стало быть, проверить не смогут, да и не будут, незачем. Они ведь не мужчина не военнообязанная, будет работать. Стоп, а что я делать то умею? Задала себе вопрос Маша. Ну, шить умею, причем хорошо. Когда еще на дельтапланах летала, этому научилась и еще летать. На Сесне, на Як-52, на У, он же ПО-2, И-16 освоила. Кроме этого ничего. Немного же от меня пользы в тылу будет. Разве, что шинели шить. С неба послышался отдаленный гул. Маша мгновенно задрала голову, и вся напряглась, ожидая новой атаки Мессершмидтов. Но опасность оказалась ложной. Над ними на большой высоте прошло пол десятка двухмоторных немецких бомбардировщиков. Вроде бы Хенкель HE-111. Бомбардировщики летели строем как на параде. Никого и ничего не боясь. Ну, еще бы они же хозяева неба. Перед глазами у Маши вновь встала утренняя атака Мессершмидтов. Треск пулеметов крики и стоны раненых. Её затрясло от бешенства. Эх, мне бы сейчас мой И-16, подумала она. Я бы их всех одна сделала. И тут вдруг Маша поняла, чего ей действительно хочется. Воевать да, именно воевать с ними. С теми, кто убивал и убивает сейчас с теми, кто, когда-то убил и её. Из-за них были ее детские страхи и из-за них, в том числе она попала сюда. Ведь поднятый из озера ПО-2 был сбит на той этой войне. Больно уже большой счет получался. А по счетам надо платить. К тому же она профессиональный пилот, а не выпускник взлет-посадка, которые гибнут на первом вылете. И что же ей при всем этом в тылу шинели шить. Это будет просто нечестно по отношению к себе самой и подло по отношению к ним. Ну, хотя бы к тому человеку, который ей только что помог. А как же назад домой? Спросил вдруг внутренний голос. А шанс есть? Вопросом на вопрос ответила. Маша. Я ведь не на машине времени сюда прибыла, а через дыру провалилась. Так что и в любом случае не могу я, неправильно это будет сидеть и ничего не делать. Все равно на фронт пойду. Только бы случай подходящий подвернулся. Летать буду, а там... там – посмотрим. Случай не заставил себя долго ждать. К вечеру колонна беженцев подошла к окраине какого то городка, какого Маша не знала, указателя у дороги не было. Да это было не так уж важно, важно было другое в городке было полно солдат и по всем признакам было видно, что расположенная здесь воинская часть готовится к обороне. Солдаты и местные жители рыли окопы. Молодых мужчин, которые были среди беженцев, останавливали на придорожном КПП, проверяли документы и отводили в сторону. Женщин, детей и стариков пропускали. Так ну куда мужчин, понятно, мобилизуют, догадалась Маша, а мне как быть? Попроситься тоже в пехоту? С моей летной квалификацией глупо. Да и, наверняка, откажут. Хотя стрелять я получше многих из них умею. В тир ходила, когда хотела в летное училище поступать. Ладно, что-нибудь придумаю. Возможно, недалеко в тылу есть авиационная часть. Найду ближайший аэродром и попрошусь к ним. Потери сейчас большие, должны взять. Через КПП её пропустили беспрепятственно, но тут к их группе подошел офицер и попросил всех кто может помочь в строительстве линии обороны. Маша вызвалась сразу. На то у нее были три причины. Во-первых, желание помочь своим. Ну, для начала, хотя бы так. Во-вторых, во время работы можно было поближе сойтись с военными, сообщить им кто она. Возможно, ее помогут попасть в авиацию. И в-третьих самое главное, очень хотелось есть. А тех, кто работает, наверняка, покормят. Офицер, вернее как принято в этом времени, командир, ответ ее и еще восьмерых таких же, как она согласившихся рыть окопы, метров за триста от дороги, и показал участок работы. Маша

взялась за лопату. Земля была мягкая, чернозем, копать было легко. Но не прошло и четверти часа, как с востока послышался шум авиационного мотора. Маша подняла голову, ища в небе Мессершмидты, но увидела ПО-2.

Он летел в их сторону, но летел как-то странно, переваливаясь с крыла на крыло, как в сильную болтанку. Ну, кто же тебя так летать учил. Маша аж сморщилась. Да у меня курсанта летают лучше. Я бы тебя и близко к самолету при таких навыках не подпустила. Но, как оказалось, в отношении квалификации летчика она была неправа. Как только ПО-2 приземлился, причем недалеко от них, к нему тут же побежала девушка санинструктор и из кабины вытащили раненого пилота. Да, повезло тебе сегодня – подумала Маша – видать на Мессеров нарвался, но сумел уйти и посадить машину. В авиации это редкость. Летчики, как правило, ранеными не бывают. Раненого унесли в санчасть, а Маша снова взялась за работу. Но вдруг услышала: «Ну где же я Вам другого летчика возьму, товарищ лейтенант. У меня ведь здесь пехота, а не авиаполк».

– Да, хоть из-под земли достань, капитан, но пакет мне доставить надо, понимаешь, надо. Это приказ.

Ах, вот оно что сразу поняла Маша – им летчик нужен вместо раненого. Так это то, что мне надо. Правда, соответствующих документов у меня нет. Но ведь я не в отдел кадров пришла, не дураки, поймут.

– Вам нужен пилот. Спросила Маша, подойдя к выясняющим отношения офицерам.

Оба капитан и лейтенант, судя по синему верху фуражки, представитель особого отдела, враз замолчали и уставились на нее.

– Я из аэроклуба, пояснила Маша, – воспользовавшись возникшей паузой, – летаю на ПО-2, а так же имею практику полетов на И-16. Могу заменить раненого летчика и доставить пакет куда нужно.

– Ну да, нам нужен летчик, – промычал капитан, – но только, – он посмотрел на особиста, тот хлопал глазами, переводя взгляд то на капитана, то на Машу. Наконец выдавил из себя:

– Документы есть?

Маша протянула комсомольский билет. Особист повертел его в руках.

– И это все?

– Все. Вздохнула Маша.

– Паспорт сгорел при бомбежке вместе с вещами.

Особист был явно озадачен. Из документов один комсомольский билет. Для мужчины это конечно маловато. И с таким следовало бы по всей форме разобраться. Но для женщины и таких документов хватит, если бы она с ними в тыл шла. А эта ведь, нет, заявила, что из аэроклуба и может доставить, куда надо пакет с секретными документами. И что делать? Лететь-то позарез надо. Но отпустить ее одну с секретными, *секретными* документами это ведь... Как не пытался особист скрыть свои сомнения, все эти мысли были написаны у него на лице и Маша решила ему помочь.

– Товарищ лейтенант, я вас понимаю, сказала она мягким вкрадчивым голосом. Вы меня не знаете, а пакет секретный, так пошлите со мной кого-нибудь в сопровождение, самолет все равно двухместный. А заодно мои сопровождающие за задней полусферой последит, что бы Мессера в хвост не зашли.

– Да, да, товарищ лейтенант, – вмешался в разговор капитан.

– Я ей в сопровождение кого-нибудь из моих бойцов дам. – Он был явно рад тому, что казавшаяся для него безвыходной ситуация вдруг таким волшебным образом разрешилась.

– Нет, нет – замотал головой особист – за предложение спасибо, капитан, но я уж лучше сам полечу. Так мне спокойней будет.

Менее чем через полчаса Маша, облачившись в комбинезон раненого летчика, который пришелся ей впору, надев его шлем, уже сидела в самолете. Проведенная ей предполетная про-

верка показала, что, несмотря на несколько пробоин в обшивке фюзеляжа и крыльев, серьезных повреждений ПО-2 не имеет и может лететь. Двигатель запустился сразу и заработал ровно, без рывков.

– Стойте, стойте! Почту возьмите! – Маша обернулась, к самолету бежал боец, держа в руках мешок. И вдруг он исчез. И не только он один. Исчезло поле, изрытое окопами, по которому бежали люди в форме и в штатском. Исчезла вдаль дорога и этот неизвестный ей городок. Ее ПО-2 стоял на взлетной полосе их аэроклубовского аэродрома. А к нему по летному полю шел Виктор, ведя за ручки двоих маленьких, лет трех-четырёх, похожих друг на друга, как две капли воды девчушек – их дочек.

Маша протянула к ним руки.

– Я возьму к себе, – услышала она из задней кабины голос особиста.

Видение растаяло, как дым. Что, что это было, Маша посмотрела вокруг. Все по-прежнему. Поле, изрытое окопами, дорога с КПП вдаль городок. И тут она вспомнила, такое у нее уже было прежде, перед самым выездом с поисковой группой. Да, да было, Тогда она увидела картинку из своих регрессивных воспоминаний, и вот попала сюда, в 1941 год, а раз так, то значит, что-то видение было ничем иным, как предупреждением о том, что с ней теперь случилось. И вот снова то же самое предупреждение о чем? Да о том, что она вернется, вернется в свое время, причем очень и очень скоро. Ведь Виктор там не постарел нисколько, а еще, еще у них будут близняшки.

– Ну что, взлетаем? – Услышала она сквозь шум мотора крик особиста и это вернуло ее к реальности.

– Да, да, подумала Маша, – пора взлетать. Теперь все будет хорошо, даже очень. Лететь можно хоть до Берлина. Четыре года не так уж много.

Мотор взревел на взлетном режиме и ПО-2, пробежав по полю, ушел в небо.

Набрав высоту в две тысячи метров, Маша выровняла машину и легла на курс. Конечно, без Джи Пи Эс навигатора лететь было сложновато, но, как говорится, за неимением гербовой, пишут на простой. А поэтому приходилось довольствоваться картой и иными навигационными приборами первой половины Двадцатого века. Но это не так уж и важно. Лететь-то было всего ничего, менее ста километров. Ее беспокоило другое – как бы с Мессерами не встретиться, а то ведь. Да, конечно, теперь она знала о том, что вернется в свое время и, вроде, здоровая, раз снова летать будет. Но это еще не гарантия от ранений или переломов при парашютном прыжке. Парашют-то у них один на двоих. А стало быть прыгать придется вместе. Не зря же она к себе особиста веревкой привязала. Так что теоретически оба в безопасности. Маша посмотрела назад, особист сидел бледный, сжимая в руках ППШ, который он прихватил, чтобы отстреливаться от Мессершмидов. Да, серьезное оружие, только и годиться Ворон стрелять, чтобы под винт не лезли. Против Мессера ШКАС нужен, а лучше УБТ. Вдали, со стороны Солнца, появилась черная точка. На них заходил Мессершмидт. Ну все, влипли. Маша pokrutila головой. Мессер был один, и это радовало. Отбиться от двух было бы просто не реально. А от одного вполне можно, если замотать на виражах. Топлива у него не много, покрутится и отстанет. Мессершмидт рос на глазах, приближаясь с огромной скоростью. Но Маша была готова и, как только он вышел на дистанцию открытия огня, произвела маневр уклонения. Как раз во время. Пулеметные трассы прошли рядом. Вражеский летчик промахнулся. Так, где он. Маша снова крутила головой, обшаривая взглядом небо. Ага, вот, снова атакует. Ну что же повторим. Опять залп Мессера и опять промах. Снова и снова заходил в атаку Мессершмидт. Снова и снова в последний момент, делая вираж, Маша уходила из-под обстрела. Но и немец оказался не глупым. Поняв, что с такой тихоходной, но верткой целью на вертикали ему не справиться, он уменьшил скорость до предела и стал прижимать Машу к земле, чтобы лишить ее возможности для маневра. Эта тактика оказалась для него роковой. Во время

очередной атаки Маша бросила ПО-2 вертикально вниз. Мессер ринулся за ней и врезался в землю, не сумев выйти из пикирования.

– Уф, Маша перевела дыхание, вновь набирая высоту. – Один: ноль в мою пользу. Будет теперь знать, что такое Рус Фанер в руках профессионала, и, вдруг вспомнила, а как там с бензином? Бензина оказалось в обрез. Только-только хватит дотянуть до аэродрома. Не хватило, двигатель заглох на подлете.

– Что, что с мотором, – услышала Маша из задней кабины срывающийся голос особиста. Теперь ей окончательно стало ясно – он боится летать.

– Ничего, товарищ лейтенант, бензин кончился, – не оборачиваясь, ответила Маша. – Сядем, как планер, только не мешайте.

Колеса шасси коснулись земли, ПО-2 запрыгал на неровностях почвы и остановился.

Ну, все, прилетели. С успешным окончанием первого боевого вылета – поздравила себя Маша.

И действительно, вроде все неплохо получилось. Пакет с секретным донесением доставила, Мессер сбила, сама живая и здоровая, самолет цел. Одним словом – повезло. Всегда бы так.

К самолету сбежалось человек двадцать – летчики, солдаты аэродромной obsługi БАО, врач. Еще бы не каждый день на честном слове садится их самолет, да еще с другим пилотом – женщиной. Пауза длилась не долго. Сопровождающий Машу особист несмотря на недавно пережитую в воздухе карусель, проворно вылез из кабины и взял дело в свои руки.

– Я, лейтенант государственной безопасности Трофимов, – заявил он, доставая удостоверение. – Кто старший?

Из толпы вышел офицер с орденом Красной Звезды на груди.

– Я старший, комполка майор Зябликов. А что с Григорьевым товарищ лейтенант и это кто? – Он указал глазами на Машу.

– В порядке ваш Григорьев, в ногу ранен. А это, – особист улыбнулся, – Воронина Мария Сергеевна. Она до войны в аэроклубе летать выучилась и помогла мне доставить спецпакет. Да, кстати, товарищ Зябликов, нас километрах в тридцати отсюда Мессер атаковал, так она его на вираже об землю размазала. Прошу этот Мессер на ее боевой счет записать. А теперь, – продолжил особист, – нам с Марией Сергеевной срочно на КП полка нужно.

Мария Сергеевна, заходите, – позвал Машу майор Зябликов.

Откинув кусок маскировочной сетки, Маша вошла во внутрь наскоро отрытой землянки. Внутри было четверо. Командир полка – майор Зябликов, комиссар, его Маша сразу узнала по нашитой на рукаве гимнастерки красной звезде, особист – лейтенант Трофимов и еще один особист, по-видимому ихний, поняла Маша.

– Воронина Мария Сергеевна, – торжественным тоном произнес майор Зябликов, – за мужество, героизм и инициативность, проявленную при борьбе с врагами нашей родины, объявляю вам благодарность.

А, ну да, конечно, ведь так и должно было быть – мне благодарность объявляют, подумала Маша. Что, что там в этом случае надо отвечать, – вспомнила – именно так говорили в то время. В одно мгновение, надев летний шлем – к пустой голове руку не прикладывают, Маша отдала честь и отчеканила: «Служу Родине и трудовому народу!»

Не смотря на всю официальность происходящих событий, все четверо расплылись в улыбке.

– Со своей стороны я как представитель ВКПб тоже объявляю вам благодарность. Вы поступили, как настоящая комсомолка! – Вставил свое слово комиссар.

– Ну а теперь, Машенька, – комполка еще раз улыбнулся, – отдыхайте. Завтра мы вас в тыл отправим.

– В тыл? Это меня-то в тыл, после того, как я Мессера завалила?! – Маша почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног. – Да, не бывает этому. Товарищ майор, – четко по-военному произнесла Маша. Я прошу мобилизовать меня в ряды РККА, как летчика истребителя, имею практику полетов на И-153 Чайка и И-16 УТ. В землянке повисла тишина. Все четверо переглянулись. Никто из присутствующих явно не ожидал такого поворота событий.

– Товарищи, – продолжила Маша, – если вы меня завтра отправите в тыл, то я все равно в ближайшее время окажусь на фронте. Летать я умею, а значит, в тылу мне делать нечего. Так оставьте меня у вас, ну хотя бы на ПО-2 вместо Григорьева, раз свободных машин в полку нет.

– Оставить-то можно, – протянул майор Зябликов, – вот только, – он обернулся в особистам.

– Ну, учитывая все произошедшее, – немного помолчав, сказал местный особист, младший лейтенант Федоров, – особый отдел не возражает. Документы у товарища Ворониной в порядке, да и в деле она себя показала с наилучшей стороны, так что проводить какую-либо спецпроверку нет необходимости. Вот и отлично, – обрадовался комполка, – явно довольный тем, что получил карт-бланш из особого отдела.

Менее чем за две недели войны полк понес ощутимые потери и каждый летчик был на счету, а тут какое-никакое, но пополнение. Правда, не строевой пилот, а выпускница аэроклуба, без знания тактики и стратегии воздушного боя, но летает классно, раз Мессер сегодня об землю размазала. На «этажерке» это не каждому удастся. Он оценивающе посмотрел на Машу – совсем молодая еще, 24 года, а если..., но ведь сама напросилась. Ладно, будь, что будет – это ее решение. Он отвел глаза, но Маша уловила его мысли.

Эх, если бы ты знал товарищ майор, какие будут потери в этой войне, подумала она. Но за меня не беспокойся, я-то точно знаю, что назад вернусь, а вот ты?

– Хорошо, товарищ Воронина, – снова официальным тоном сказал майор Зябликов, – ваше желание о мобилизации в ряды ВВС Рабоче-крестьянской Красной армии, я удовлетворю. Пока будете летать на машине младшего лейтенанта Григорьева, далее, если появится возможность, пересадим вас на И-16. Сейчас зайдите к писарю, он вас оформит. Потом получите форму и оружие. Кстати, стрелять умеете?

– Да, умею. У меня значок Ворошиловского стрелка, – не моргнув глазом ответила Маша, а сама подумала, что не сильно погрешила против истины. В тире, где она занималась перед неудачной попыткой поступить в летное училище на летчика истребителя с дальней перспективой попасть в отряд космонавтов, ей были довольны.

– Это хорошо, – похвалил ее комполка. – Умение метко стрелять для военного летчика тоже очень важно. А теперь свободны, приступайте к несению службы!

Были уже глубокие сумерки, когда, закончив все формальности у писаря, получив обмундирование и оружие, Маша, наконец, добралась до своего ПО-2. Его уже загнали в импровизированный капонир и отремонтировали, положив заплатки из перкаля на поврежденные крылья и фюзеляж.

– Товарищ младший лейтенант, разрешите доложить, – обратился к ней стоящий у самолета боец. – Повреждения исправлены, машина к полету готова!

Техник Федор Решетов! Интересно, а сколько ему лет? – Подумала Маша, глядя на своего техника. Лет восемнадцать – не больше. На моего младшего братика очень похож, только без толстых очков – обязательного атрибута большинства компьютерных гениев, и глаза добрые.

Федор смотрел на Машу восхищенно и с уважением. Еще бы, девушка летчица, чуть-чуть старше его, а уже Мессера на вираже по земле размазала. Вон она – звезда на фюзеляже горит. Сам рисовал, как только узнал, что ее в их полку оставили, и она на его машине летать будет.

– Да ладно тебе, Федя, не тянись ты так. Мы же не в строю, давай знакомиться. Я Маша Воронина, или просто Маша.

– А я Федя Решетов или просто Федя в тон Маше ответил Федор. Он уже понял, что его новый командир добрая и мягкая – зазря гонять не будет.

– Ну что же, Федя, давай машину осмотрим, – предложила Маша и, поймав на себе его удивленный взгляд, пояснила: – Так по правилам положено. Я в аэроклубе всегда так делала перед каждым вылетом.

– А ну-да, ну-да, – согласился Федор. – Только вот фонарик достану, а то темно уже.

Проведя осмотр, Маша осталась довольна. Техник свое дело знал, и это радовало. Иметь хорошего техника немало важно везде, но в авиации особенно. Чуть что не так и все. Самолет ведь в небе не запаркуешь.

– Ну что, Федя? А теперь спать. – Сказала Маша и сладко зевнула, а то, наверняка, завтра вставать рано, где тут можно пристроиться?

– Да хоть у капонира на брезенте, – предложил Федор. – Землянок-то нету, мы чуть ли ни через день дислокацию меняем. От самой старой границы пятимся, а немец все прет и прет. Маша взглянула на Федора. Даже при неярком свете Луны было видно, как помрачнело его лицо, а в голосе слышались недоумение и злость. Почему, почему все так происходит. А я то ведь в более выгодном положении, чем они вдруг подумала Маша. Все наперед знаю. И результат войны и судьбу страны да и свою судьбу тоже. Ну, во всяком случае, что домой вернусь, но рассказать вот только ничего не могу.

– Ничего, Федя, – остановим мы немца, – как можно увереннее произнесла Маша и вышла из капонира, дав этим понять, что разговор закончен. Под брезентом оказался слой сена, лежать было удобно и мягко. – Надо же какой Федя заботливый, завтра его надо обязательно поблагодарить, – решила Маша, постепенно засыпая. Так закончился ее первый день на войне.

Глава 4

– Подъем, вставай скорее, – услышала сквозь сон Маша чей-то голос.

– А что? – Маша открыла глаза. Федор тряс ее за плечи, пытаясь разбудить.

– Где это я? Вспомнила. На войне. – В памяти мгновенно возникли все события вчерашнего дня, и это вернуло Машу к действительности. Да, да, – на Великой Отечественной войне. Сон как рукой сняло. – Федя, что случилось? – Спросила Маша, поднимаясь с брезента.

– Перебазирование, аэродром меняем, видать опять немцы прорвались, – быстро ответил Федор, сворачивая брезент, – беги на КП.

«Эх, жалко зеркала нет». – Думала Маша, возвращаясь назад к самолету. До вылета еще есть время, можно было бы привести себя в порядок, а то, как-то, неприлично ходить заспанной и растрепанной.

– Ну, с первым – проблем нет: умоюсь холодной водой и все в порядке. А вот с волосами. Ребята-то все почти под машинку стриженные. А я? Да, конечно, и мне можно было бы то же самое сделать, но тогда уже совсем уродиной стану. На эту тему вчера даже разговор был, когда обмундирование получала. Писарь забеспокоился, как бы вошки не завелись. Но комполка сказал, что мы не пехота, так что пусть все как есть останется. – Планшет с картой очередной раз хлопнул по боку, и это навело Машу на мысль, чем заменить зеркальце. «Застежка-то на планшете никелированная, ну чем не зеркальце?» – Она поднесла планшет к глазам и вгляделась в свое отражение. – Да, выгляжу не очень, – подумала Маша, – но пока сойдет, но в ближайшем будущем надо обязательно обзавестись зеркальцем и всем остальным по мере возможности выменять у местных жителей хотя бы на махорку, которая и мне положена. Деньги ведь сейчас особенно не в ходу.

Федор сидел около самолета, облокотившись спиной на стойку шасси.

– На, надевай, – Маша протянула ему парашют.

– Парашют откуда? Нам же не положено. Я же техник, а парашюты только у летного состава.

Федор был явно удивлен.

– Знаю, что не положено.

Маша улыбнулась.

– Но раз ты, Федя, со мной во второй кабине полетишь, то, значит, и тебе парашют нужен, потому как если на Мессеров нарвемся, я ведь без тебя прыгать не буду. А насчет парашюта не беспокойся. Я его у комеса второй эскадрильи выпросила. Вчера его ведомый раненый на брюхо сел. Так что тут все в порядке.

В небо взлетела ракета.

– Так, мы следующие. – Маша застегнула молнию комбинезона и залезла в кабину.

– Давай, Федя, от винта.

Федор крутанул винт, мотор заработал, как и в прошлый раз, ровно и четко. Маша оглянулась, Федор сидел в кабине.

– Ну что, готов?

– Да, готов.

– Тогда взлетаем.

В небе вновь вспыхнула ракета.

Перелет до нового аэродрома длился меньше часа и прошел вполне спокойно. Внезапной атаки Мессеров Маша не опасалась, так как ей в сопровождение выделили два И-16. Под такой охраной можно было чувствовать себя в безопасности. И вот поэтому она удовлетворила просьбу Феде – дать ему немного «порулить» самолетом, взяв с него слово об этом молчать. В действительности, управление такой машиной, как ПО-2 под контролем инструктора,

да еще и в прямолинейном полете – вещь несложная. Но мало ли что. Командование может неправильно понять. Так что уже лучше по-тихому. Но все обошлось. Полет прошел успешно, а Федор сиял от радости, что было Маше особенно приятно. Так ненавязчиво она отблагодарила его за сено под брезентом.

Во второй половине дня на новый аэродром прибыл батальон БАО и почти сразу начались боевые вылеты. Вскоре на КП вызвали и Машу, где она получила свое первое боевое задание – доставить пакет. – Так, куда нам лететь надо? – Маша прикинула по карте. – Не так уж и далеко. За пару часов обернуться можно и, желательно, не задерживаться – а то погода портится, как бы в грозу не попасть.

Федора на месте не оказалось.

– Так, ну и куда же мой техник пропал? Мне же лететь надо. – Маша посмотрела по сторонам.

– А вот он.

К самолету бежал Федор в летном комбинезоне и шлеме. В руках ППШ.

– Ты где был и почему в таком виде? – Удивленно спросила Маша.

– У особиста был. Он мне приказал с тобой лететь. Сказал, что бы я тебя и документы в случае чего охранял, – бесхитростно ответил Федор. – Вот автомат выдал.

– Ах, вот оно что, – поняла Маша. – Спецпроверку вы, гражданин особист, проводить не стали, а решили ко мне «наседку» посадить под видом охраны. Не доверяете, значит. Ну, или не совсем. Что же это, как говорится, ваше право. Надеюсь, вы хоть Федю в приказном порядке в стукачи не записали. Он ведь парень хороший, мучиться будет. Хотя, по большому счету, это проблемы ваши. Я ведь из 21 века все про вас знаю. Так что, не проколюсь, даже не надейтесь.

– Ну и хорошо, что вместе полетим. – Маша сделала вид, что очень довольна произошедшим.

– Тогда от винта, и взлетаем, – а то погода к вечеру испортится может. Попадем в грозу – нам обоим мало не покажется. Только автомат ты, Федя, пожалуй, зря с собой взял. Мы же к нам в тыл, а не на передовую летим. Он в кабине только мешаться будет, толку от него никакого. Так автомат мне товарищ младший лейтенант госбезопасности взять приказал, чтобы от Мессеров отстреливаться, – возразил Федор. – А то, ведь, самолет у нас, совсем невооруженный. Ну что же, раз так, Федя, – выполняй приказ. Только имей в виду – сбить Мессершмидт из ППШ очень трудно. Тут пулемет нужен.

– Да знаю я, что нужен, – вздохнул Федор. – Только вот нет его. Я давно уже хотел нашу машину Дегтярем вооружить. Даже турель смастерил, но вот где пулемет достать, пока не знаю.

В небе вспыхнула ракета.

– Стоп. Это же наш вылет, – спохватилась Маша. – Заболтались мы тут.

И они оба бросились к самолету.

Полет прошел без приключений и даже с личной пользой. Федору повезло: он обзавелся-таки пулеметом Дегтярева. Недалеко от места их приземления на обочине дороги стоял разбитый Т-34. Очевидно, он попал под бомбежку, и близким взрывом авиабомбы с него сорвало башню.

Вот с него-то Федя и снял пулемет ДТ – Дегтярев танковый, который они и прихватили с собой. Лишь одно огорчило Федора – пришлось вернуть особисту автомат, который ему очень нравился.

– Ладно, Федя, не расстраивайся, – подбодрила Маша своего техника. – Ты ведь теперь мой воздушный стрелок. Может быть, еще и Мессера собьешь.

Глаза Федора загорелись.

– Да, да, обязательно собью. Слово даю честное комсомольское.

Слово свое Федор сдержал, правда, сбил он не Мессершмидт BF-109, а Юнкерс Ю-87.

Случилось это ровно через месяц, 3 августа 1941 г. во время очередного вылета, недалеко от линии фронта. Они встретили группу пикирующих бомбардировщиков Юнкерс Ю-87, проще говоря – «лаптежников». Правда, встретили – это громко сказано, «лаптежники» шли метров на пятьсот ниже их ПО-2, возвращаясь с очередной бомбежки, и, поначалу, подобная встреча Машу не очень встревожила. Ю-87 – пикирующие бомбардировщики, а не истребители. Их задача – поддержка с воздуха наступление своих войск, а стало быть, одиночный русский самолет их вряд ли заинтересует. На этот случай воздушные охотники имеются. Таков порядок. Но она ошиблась. На этот раз хваленый немецкий порядок не сработал. Один из «лаптежников» покинул строй и резко набирая высоту, пошел в их сторону.

– А, вот оно что, – тут же догадалась Маша.

– Соблазнился легкой добычей, решил таким способом пополнить свой личный боевой счет. Ну, так это ты зря. Я от Мессера ушла, а от тебя, лапотник и подавно уйду.

Она повернулась к Федору.

– Подойдет ближе – бей по мотору.

Федор кивнул, понял. Юнкерс быстро приближался, заходя с хвоста. Считая русский самолет невооруженным, немецкий летчик ничего не боясь, подошел чуть ли не вплотную, не желая тратить зря боеприпасы и поплатился. Федор выпустил по нему длинную в полный диск, очередь. Повредив винт и, очевидно, мотор, «лаптежник» резко завалился на левое крыло и пошел в сторону фронта, но через несколько секунд задымил, а в небе раскрылись два парашюта.

– Два – ноль в нашу пользу, – подумала Маша, наблюдая за тем, как неуправляемый Ю-87 взорвался, врезавшись в землю. – Можно еще одну звездочку на фюзеляже рисовать. Но это – после, а сейчас надо решить, как со сбитыми немцами быть.

Ветер сносил экипаж «лаптежника» в нашу сторону. Маша быстро прикинула куда. По всем расчетам выходило, что немцы должны приземлиться недалеко от деревни, в которой расположен штаб корпуса и куда они с Федором должны доставить пакет.

– Вот и отлично, – обрадовалась Маша. – Если так их взвод охраны быстро отловит и мы, может быть, даже с ними еще и познакомиться успеем. Интересно все-таки узнать, что они о своем последнем воздушном бое думают. Лишь бы их живыми взяли.

Немцев взяли живыми обоих – и летчика, и стрелка. Правда, познакомиться с ними поближе как хотелось, Маше не удалось. Времени не было. Но, зато, в штабе им выдали подтверждение на сбитого Юнкерса. Федор просто светился от радости. Ну, еще бы, он сам лично сбил вражеский самолет. Вот они немцы под конвоем в особый отдел топают. А то уже почти полтора месяца война идет, а он только и делает, что в железках копается.

Маша-то, вон, в первый же день Мессера об землю размазала. Ну да, конечно, она же летчик, ей это так сказать, по штату положено. Техники – они другим делом занимаются, но, все же, неудобно как-то. Вот вернется он с войны, а у него и спросят: «Сколько вы, товарищ Решитов, немцев убили?» И что он ответит, что всю войну в моторе копался, когда другие. Но зато теперь.

– Слушай, Федя, а ты знаешь, как переводится с немецкого фамилия летчика Фон Бер? – Спросила Федора Маша, садясь в кабину.

– Нет. – Мотнул головой Федор. – Не знаю, а как?

– Медведь. Так ты, Федя сбил Медведя.

Оба весело рассмеялись, даже не подозревая о том, что это будет их последний совместный полет.

На обратном пути они напоролась на двух Мессеров. У Маши сжалось сердце. Два – не один. От двух не уйти. Хотя? Свой аэродром рядом, увести их туда, а там, там наши прикроют. Про аэродром немцы знают. Еще вчера над ним пол дня «Рама» висела (Фокке Вульф 189), так что про секретность можно не думать. Мессершмидты один за другим заходили

в атаку. Маша кружила виражи. Федор пока были патроны, стрелял из пулемета. Но Мессера наседали и Маше с каждым разом было все труднее и труднее уходить от их атак. Аэродром был совсем близко, но тут в них попали. Пулеметная очередь ударила в фюзеляж, ПО-2 вздрогнул, стрелки приборов задрожали, из-под хвоста повалил дым. Маша обернулась – Федя, прыгай! Отстегни ремни и прыгай закричала она не своим голосом, увидев, что побледневший Федор отстегнув ремни, все еще сидит в кабине. Сейчас я тебе помогу. Маша двинула ручку управления в бок, выполнив Бочку. В одно мгновение они оказались вниз головой и Федор, со сдавленным криком вылетел из кабины. Так, а теперь я. Маша перевалилась через борт и покинула сбитый ПО-2. Ветер привычно ударил в лицо. Где Федор? А, вот он уже раскрыл парашют, молодец. Маша уже взялась за кольцо, но тут вспомнила – Мессера. Они же в воздухе могут расстрелять. Так оно и случилось. Сделав разворот, Мессершмидты атаковали беспомощно висящего на парашюте Федора. И что могла сделать в этой ситуации Маша? Да ничего. Только молиться, чтобы немцы промахнулись или надеяться, что Федя вспомнит ее инструктаж и стянув стропы парашюта, уйдет из-под огня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.